

ОРЕНБУРГСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

15 Д Е К А Б Р Я .

№ 24.

1905 Г О Д А .

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

Русское духовенство въ изображеніи
современныхъ беллетристовъ,

(Продолженіе).

Въ разсказѣ «Въ банѣ» дьяконъ побѣдоносно отстаиваетъ достоинство печати. Когда завравшись невѣжественный

цирульникъ дошелъ до всевозможной клеветы на печать, дьяконъ обрываетъ его самымъ рѣшительнымъ образомъ.

«Это клевета на печать! — слышался хриплый басъ: дрянъ!»

— «Это я-то дрянъ? Гм.. Счастье ваше, господинъ, что я въ эту недѣлю говѣю, а то бы я вамъ за «дрянъ» сказалъ бы слово... Вы, стало-быть, тоже изъ писателей?»

— «Я хотя и не писатель, но не смѣй говорить о томъ, чего не понимаешь. Писатели были въ Россіи многіе и пользу принесшіе. Они просвѣтили землю, и за это самое мы должны относиться къ нимъ не съ поруганіемъ, — а съ честью. Говорю я о писателяхъ какъ свѣтскихъ, такъ равно и духовныхъ».

Подобныя мысли циркульнику показались настолько страшными, политическими, что онъ бросилъ ставить банки и побѣжалъ предупредить насчетъ жандарма. Когда же выяснилось, что данныя слова принадлежатъ мѣстному о. дьякону, циркульникъ кланяется ему въ ноги и проситъ у него прощенья.

— «За что такое?» — спрашиваетъ дьяконъ.

— «За то, что я подумалъ, что у васъ въ головѣ есть идеи!»

Приходилось автору наблюдать о.о. діаконъ и другого рода: людей простыхъ, прямолинейныхъ и непосредственныхъ; про такихъ людей говорятъ: у него, что на умѣ, то и на языкѣ. Подобный дьяконъ фигурируетъ «Въ почтовомъ отдѣленіи». На поминкахъ жены почмейстера Сладкоперцева, когда этотъ послѣдній разглагольствовалъ о вѣрности ему его покойной супруги, всѣ гости молчатъ и почтительно слушаютъ, дьяконъ одинъ только краснорѣчиво мычитъ и выразительно кашляетъ. А когда наивный вдовецъ открываетъ, какимъ секретомъ онъ достигъ подобной вѣрности отъ своей жены, то всѣ опять продолжаютъ молчать, хотя и думаютъ про себя тоже самое, что дьяконъ бухаетъ вслухъ: «Ну, Богъ дастъ, въ другой разъ женишься!» Тогда, дескать, ужъ не проведешь насъ никакими твоими секретами.

Той же простотой вѣтъ и отъ о. дьякона Духова («Жалобная книга»), который, соревнуя остроумію прочихъ проѣзжающихъ, не нашелъ ничего болѣе остроумнаго, какъ занести слѣдующую свою претензію:

«Проѣзжая черезъ станцію и будучи голоденъ въ разсужденіи чего бы покушать, я не могъ найти постной пищи. Дьяконъ Духовъ».

За свое остроуміе дьяконъ получилъ достойный отвѣтъ. Слѣдующій проѣзжій—острякъ подъ претемзіей дьякона Духова пишетъ только два слова: «Лопай, что даютъ»...

Уклеевскій дьячекъ («Въ оврагѣ») на поминкахъ, увидѣвъ зернистую икру, набрасывается на нее и не ѣстъ, а дѣйствительно «лопаетъ» съ какою-то дикою жадностью. «Его толкали, дергали за рукавъ, но онъ словно околоченъ отъ наслажденія: ничего не чувствовалъ и только ѣлъ. Съѣлъ всю икру, а въ банкѣ было фунта четыре».

Порой авторъ неподражаемо вышучиваетъ галантность такихъ маленькихъ духовныхъ особъ, какъ дьячокъ Вонмигласовъ («Хирургія»).

Въ приемную земской больницы входитъ дьячокъ Вонмигласовъ, высокій, коренастый старикъ въ коричневой рясѣ и съ широкимъ кожанымъ поясомъ. Правый глазъ съ бѣльмомъ и полузакрѣтъ, на носу бородавка, похожая издали на большую муху. Секунду дьячокъ ищетъ глазами икону и, не найдя таковой, крестится на бутылъ съ карболовымъ растворомъ, потомъ вынимаетъ изъ краснаго платочка просфору и съ поклономъ кладетъ ее передъ фельдшеромъ.

— «Ааа.. мое вамъ!—зѣваетъ фельдшеръ.—Съ чѣмъ пожаловали?»

— «Съ воскреснымъ днемъ васъ, Сергѣй Кузьмичъ... Къ вашей милости... Истинно и правдиво въ псалтыри сказано, извините: «цитіе мое съ плачемъ растворяхъ»... и т. д. и т. п. Дьячку надо было выдернуть зубъ. И когда не менѣе Вонмигласова утонченно-любезный и галантный фельдшеръ Курягинъ неудачно дергаетъ зубъ, эти два наигалантнѣйшія при первой встрѣчѣ лица обмѣниваются [уже такими любезностями.

— «Паршивый чертъ...—Насажали васъ здѣсь, иродовъ, на нашу гибель!»—говоритъ дьячокъ.

— «Поругайся мнѣ еще тутъ...—бормочетъ фельдшеръ, кладя въ шкафъ щипцы.—Невѣжа... Мало тебя въ бурсѣ березой потчевали...»

«Дьячокъ беретъ со стола свою просфору и, придержа-
вая щеку рукой, уходитъ во-свояси...»

Отъ изображенія быта и нравственныхъ сторонъ нашего
блага духовенства перейдемъ теперь къ произведенію, кото-
рое Чеховъ цѣликомъ посвятилъ художественному воспроизведе-
нію лицъ высшей степени священства—архіереямъ. Са самый
рассказъ такъ и озаглавленъ—«Архіерей» и принадлежитъ къ
числу позднѣйшихъ произведеній автора.

Скудность произведеній на данную тему помимо многихъ
другихъ причинъ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что
жизнь такого рода людей, какъ архіереи, проходитъ внѣ ши-
рокаго общества и даже въ удаленіи отъ міра, а потому
очень рѣдко и, пожалуй, только случайно можетъ быть до-
ступна наблюденію художника слова.

Нѣтъ ничего удивительнаго, если мы и въ «Архіереѣ»
Чехова не найдемъ многихъ сторонъ архіерейской жизни, ко-
торыя намъ лучше извѣстны, чѣмъ самому художнику. Въ
частности относительно этого произведенія Чехова надо за-
мѣтить, что—«Архіерей» вовсе не есть продуктъ его широ-
кихъ наблюденій надъ жизнью особъ подобнаго рода, а на-
писано, такъ сказать, по заказу, вслѣдствіе усиленныхъ просьбъ
одного извѣстнаго редактора, большого любителя художествен-
ныхъ произведеній изъ быта нашего духовенства.

Получившаяся вслѣдствіе этого теоретичность и шаблон-
ность разсказа «Архіерей» сразу бросаются въ глаза тому,
кто имѣетъ истинное представленіе о необыкновенной силѣ и
мощи Чеховскихъ обобщеній и анализа дѣйствительной жиз-
ни. При чтеніи же разсказа—«Архіерей» вы все время чув-
ствуете, что разсказъ писанъ какъ бы на основаніи догадокъ
и предположеній болѣе или менѣе вѣроятныхъ и вполне ло-
гичныхъ, но тѣмъ не менѣе настоящей чеховской правды въ
рассказѣ нѣтъ и онъ является ничѣмъ инымъ, какъ только
общимъ мѣстомъ. Въ справедливости настоящихъ словъ убѣ-
диться легко можетъ каждый, кто только попробуетъ срав-
нить «Архіерея» Чехова съ тѣми воспоминаніями, которыя
когда-то покойный архіепископъ Никаноръ посвятилъ жизне-
описанію нѣкоторыхъ изъ своихъ собратьевъ. Тѣ факты, ко-

торые сообщилъ этотъ архипастырь о жизни архіерейской, захватываютъ несравненно сильнѣе, чѣмъ разсказъ Чехова.

Переходимъ къ содержанию разсказа.

Подъ Вербное воскресенье въ Старо-Петровскомъ монастырѣ идетъ всенощная. Всенощную служить преосвященный Петръ. Три уже дня, какъ онъ нездоровъ. Служить ему было не въ мочь. Отъ болѣзни его настроеніе то и дѣло мѣняется. Онъ усталъ. Дыханіе у него тяжелое, частое, сухое. Плечи его болѣли отъ усталости, ноги дрожали. И онъ былъ какъ во снѣ или въ бреду. Въ толпѣ молящихся къ преосвященному подходитъ и его родная мать Марія Тимофеевна. Но отъ болѣзни, усталости и оттого, что преосвященный уже девять лѣтъ не видѣлъ своей матери, онъ не отдаетъ себѣ отчета: мать ли это его или кто-нибудь другая, только похожая на нее. По возвращеніи преосвященнаго домой ему докладываютъ.

— «А тутъ, ваше преосвященство, ваша мамаша безъ васъ пріѣхали»...

Справившись относительно времени пріѣзда матери, преосвященный рѣшаетъ: «Это, значить, я ее въ церкви видѣлъ давеча! о, Господи!»

«И преосвященный засмѣялся отъ радости».

Подъ влияніемъ такой радости преосвященный всю ночь продумалъ о своей матери. Въ душѣ его встала вся прошлая жизнь, прожитая подъ кровомъ родительскимъ. Когда преосвященный сталъ на молитву на сонъ грядущимъ, то и молитвы у него мѣшались съ воспоминаніями, которыя разгорались все ярче, какъ пламя. «Моя мать пріѣхала» вспоминалъ онъ и смѣялся отъ радости. На другой день, въ Вербное воскресенье, преосвященный служилъ обѣдню въ городскомъ соборѣ, потомъ былъ у епархіальнаго архіерея, былъ у одной очень больной старой генеральши и, наконецъ, поѣхалъ домой. И только за обѣдомъ, во второмъ часу, онъ наконецъ увидѣлся со своей матерью. И сынъ и мать необыкновенно рады своей встрѣчѣ. Но, не смотря на это, жизнь положила между ними что-то такое, что мѣшаетъ ихъ радости быть совершенно простой и непринужденной, какъ это было между ними прежде. Мать стѣсняется своего сына и не знаетъ, говорить-ли ему ты, или вы, смѣяться или нѣтъ, и какъ будто

чувствовала себя больше дьяконицей, чѣмъ матерью. Сынъ смѣтрѣлъ на мать и не понималъ, откуда у нея эта почтительность, это робкое выраженіе лица и голоса, зачѣмъ оно, и не узнавалъ ея. Стало грустно, досадно. Подобное чувство возбуждали въ душѣ преосвященнаго и всѣ другіе люди въ этой губерніи.

«Не могъ онъ никакъ привыкнуть къ страху, какой онъ, самъ того не желая, возбуждалъ въ людяхъ, несмотря на свой тихій, скромный нравъ. Всѣ люди въ этой губерніи, когда онъ глядѣлъ на нихъ, казались ему маленькими, испуганными, виноватыми. Въ его присутствіи робѣли всѣ, даже старики протоіереи, всѣ «бухали» ему въ ноги, а недавно одна просительница, старая деревенская попадья, не могла выговорить ни одного слова отъ страха, такъ и ушла ни съ чѣмъ. И онъ, который никогда не рѣшался въ проповѣдяхъ говорить дурно о людяхъ, никогда не упрекалъ, такъ какъ было жалко, — съ просителями выходилъ изъ себя, сердился, бросалъ на полъ прошенія. За все время, пока онъ здѣсь, ни одинъ человѣкъ не поговорилъ съ нимъ искренно, просто, по-человѣчески; даже старуха мать, казалось, была уже не та, совсѣмъ не та!» И преосвященному было и досадно и обидно, что съ чужими старуха держала себя обыкновенно и просто, съ нимъ же, съ сыномъ робѣла, говорила рѣдко и не то, что хотѣла, и даже, какъ казалось ему, всѣ эти дни, въ его присутствіи все искала предлога, чтобы встать, такъ какъ стѣснялась сидѣть. «А отецъ? Тотъ, вѣроятно, если бы былъ живъ, не могъ бы выговорить при немъ ни одного слова»... Отчего же это такъ? Гдѣ причина подобныхъ явленій? Неужели вездѣ, во всѣхъ государствахъ, люди такъ живутъ и такъ чувствуютъ себя, какъ у насъ въ Россіи?» На этотъ вопросъ въ формѣ предположенія отвѣчаетъ и самъ авторъ.

«За границей преосвященный, должно быть, отвыкъ отъ русской жизни, она была для него не легка; народъ казался ему грубымъ, женщины просительницы скучными и глухими, семинаристы и ихъ учителя необразованными, порой дикими. А бумаги, входящія и исходящія, считались десятками тысячъ, и какія бумаги! Благочинные во всей епархіи ставили священниками, молодымъ и старымъ, даже ихъ женамъ и дѣ-

тямъ отмѣтки по поведенію, пятерки и четверки, а иногда и тройки, и объ этомъ приходилось говорить, читать и писать серьезныя бумаги. И положительно, нѣтъ ни одной свободной минуты, цѣлый день душа дрожить, и успокаивался преосвященный Петръ, только когда бывалъ въ церкви».

Нельзя не признать, что въ подобномъ явленіи русской жизни заключается нѣчто иное, какъ послѣдствіе крѣпостничества. Раскрѣпостившись отъ помѣщиковъ-дворянъ, Россія угодила въ рабство бюрократіи и какъ раньше русскіе люди трепетали помѣщика-барина, такъ теперь они трепещутъ разныхъ чиновниковъ. И этотъ рабочій трепеть передъ рангомъ до того сильно вѣлся, воплотился въ русскую жизнь, что мать неспособна уже видѣть въ своемъ сановномъ сынѣ родного дѣтища, а видитъ въ немъ «Владыку». Такъ рабство извратило естественныя чувства русскихъ людей, и отъ этого рабства тяжело и душно не только однимъ подавленнымъ и трепетнымъ рабамъ, но и самымъ невольнымъ поработителямъ. Они чувствуютъ себя порой невыносимо тяжело и совершенно одинокими.

«Хоть бы одинъ человѣкъ, съ которымъ можно было бы поговорить, отвести душу!» — восклицаетъ преосвященный Петръ.

— «Какой я архіерей? — продолжалъ тихо преосвященный. — Мнѣ бы быть деревенскимъ священникомъ, дьячкомъ... или простымъ монахомъ... Меня давить все это... давить...»

Болѣзнь неожиданно-негаданно сломила преосвященнаго Петра среди разныхъ визитацій и постоянныхъ богослуженій. По заключенію доктора у него оказался брюшной тифъ.

«Отъ кровотеченій преосвященный въ какой нибудь часъ очень похудѣлъ, поблѣднѣлъ, осунулся, лицо сморщилось, глаза были большіе, и какъ будто онъ постарѣлъ, сталъ меньше ростомъ, и ему же казалось, что онъ худѣе и слабѣе, незначительнѣе всѣхъ, что все то, что было, ушло куда-то очень, очень далеко и уже болѣе не повторится, не будетъ продолжаться».

«Какъ хорошо? — думалъ онъ. — Какъ хорошо!» И только теперь, при такой перемѣнѣ обстоятельствъ, за нѣсколько часовъ до смерти въ старушкѣ-дьяконицѣ просыпается и беретъ перевѣсъ надо всѣмъ остальнымъ материнское чувство. Увидѣвъ его больного и безпомощнаго сына-архіерея, она испуга-

лась, упала на колѣни предъ кроватью и стала цѣловать его лицо, плечи, руки... «И она уже не помнила, что онъ архіерей, и цѣловала его, какъ ребенка, очень близкаго, роднаго».

— «Павлуша, голубчикъ,—заговорила она: родной мой!.. Сыночекъ мой!.. Отчего ты такой сталъ? Павлуша, отвѣчай же мнѣ!»

«А онъ уже не могъ выговорить ни слова ничего не понималъ, и представлялось ему, что онъ, уже простой, обыкновенный человѣкъ, идетъ по полю быстро, весело, постукивая палочкой, а надъ нимъ широкое небо, залитое солнцемъ, и онъ свободенъ теперь какъ птица, можетъ идти, куда угодно». И онъ дѣйствительно скоро ушелъ! Въ Страстную субботу преосвященный Петръ приказалъ долго жить.

Черезъ мѣсяць былъ назначенъ новый викарный архіерей, а о преосвященномъ Петрѣ уже никто не вспоминалъ. А потомъ и совсѣмъ забыли. И только старуха, мать покойнаго, которая живетъ теперь у зятя дьякона, въ глухомъ уѣздномъ городишкѣ, когда выходила подъ вечеръ, чтобы встрѣтить свою корову, и сходилась на выгонѣ съ другими женщинами, то начинала рассказывать о дѣтяхъ, о внукахъ, о томъ, что у нея былъ сынъ архіерей, и при этомъ говорила робко, боясь, что ей не повѣрятъ... И ей въ самомъ дѣлѣ не всѣ вѣрили. Такой меланхолическій эпилогъ разсказа «Архіерей».

Мы обозрѣли всѣ произведенія Чехова, въ которыхъ онъ касался нашего духовнаго сословія, и—смѣемъ думать—вѣрно опредѣлили ароматъ той «вѣтки», которую «поэтъ невышланныхъ слезъ и задушевныхъ жизней» сорвалъ въ нашемъ духовномъ вертоградѣ.

(Продолженіе слѣдуетъ).